

ПОНЯТИЕ «ЭЛИТА» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Н. В. Козловская

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь*

В статье предпринята попытка концептуализации подходов современной историографии истории шляхты Великого Княжества Литовского в отношении термина «элита». Автор определяет некоторые общие моменты, разделяемые современной историографией, а также акцентирует внимание на особенностях научного дискурса проблемы в национальных историографиях Беларуси, Литвы, Польши, России и Украины. Обращается внимание на отсутствие четко обозначенных критериев определения дефиниций «элита», «политическая элита» в современной историографии истории шляхты Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: элита; политическая элита; шляхта; Великое Княжество Литовское; историография.

THE CONCEPT OF «ELITE» IN THE MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF THE GRAND DUCH OF LITHUANIA: APPLICATION LIMITS

N. V. Kazlouskay

*Yanka Kupala State University of Grodno,
22 Ozheshko Street, Grodno 230023, Belarus*

The article attempts to conceptualize the approaches of modern historiography of the history of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in relation to the term «elite». The author identifies some common points shared by modern historiography, and also focuses on the peculiarities of the scientific discourse of the problem in the national historiographies of Belarus, Lithuania, Poland, Russia and Ukraine. Attention is drawn to the absence of clearly defined criteria for defining the definitions of «elite», «political elite» in the modern historiography of the history of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: elite; political elite; nobility; Grand Duchy of Lithuania; historiography.

В современной историографии истории Великого Княжества Литовского при изучении социальной структуры общества, политической истории активно используются понятия «элита ВКЛ», «политическая элита ВКЛ». Данные моменты можно объяснить рядом факторов [1, с. 34]. Как писал российский историк П. Уваров, при всей очевидной самоценности споров об элите, данное понятие является более гибким и многогранным, чем прежние категории «класс» и «сословие» [2, с. 13].

Несмотря на актуальность элитистской тематики в современной историографии истории шляхты ВКЛ, не решённым остается целый ряд вопросов как общетеоретического и методологического плана, так и

«частных случаев» употребления понятия в конкретно-исторических исследованиях по истории ВКЛ и Речи Посполитой.

В польской историографии проблема элиты, политической элиты, магнатории имеет давнюю и устоявшуюся историографическую традицию. Но как справедливо отмечают сами польские исследователи, в методологическом плане проблема не решена ни применительно к истории Речи Посполитой в целом, ни Королевства Польского и отдельных его земель в те или иные периоды (средние века, новое время), в частности.

Дискуссия имела место как во второй половине XX в., так и современной польской историографии. Одним из первых проблему затронул С. Кутшеба [3]. Дальнейшее продолжение она получила на конгрессе польских историков в Торунь в 1974 г. В контексте изучения вопросов социальной стратификации к обсуждению проблемы подключаются и польские социологи. В. Весоловски в ставшей уже классической работе «Klasy, warstwy i władza» (1974), отмечает, что исследуя систему общественных отношений, можно исходить из классовой теории К. Маркса, теории элит, или теории групп интересов [4, с. 80]. Определяя элиту как «продукт политической структуры общества» [4, с. 80], В. Весоловски утверждает, что в самом общем смысле этого слова элиту образуют те, кто в силу своей позиции в политической структуре принимает государственные решения или оказывает непосредственное влияние на принятие таких решений [4, с. 86].

В польской историографии был обозначен ряд принципиальных вопросов. Во-первых, критерии и принципы формирования политической элиты/властной элиты, её полномочия, персональный состав [5–8]. Во-вторых, что собой представляет магнатория как особая социальная группа, критерии включения представителей тех или иных шляхетских родов в состав магнатории [9–13]. В-третьих, тождественна ли политическая элита магнатории.

Польские исследователи обращают внимание, что применительно к средневековой истории можно использовать как понятие «господствующий класс», так и понятие «политическая элита», «властная элита». Различия между ними заключаются в том, что «класс» имеет экономическое содержание, в то время как понятие «элита», применяемое в социологии, есть результат политической структуры общества [6, с. 264]. Использование термина элита является оправданным в исторических исследованиях.

Обращая внимание на трудности в определении единого критерия принадлежности к политической элите в тот или иной исторический период, историки сходятся во мнении, что к элите следует относить высших должностных светских и духовных лиц, королевских и великокняжеских советников, членов королевского двора.

Польский историк Е. Сухоцки одним из первых ввёл в историографию ВКЛ понятие «политический народ» [32, с. 31]. В широком смысле слова – это круг лиц, связанных с интересами государства и способных сформулировать программу общегосударственного характера [14, с. 31–32]. По мнению историка, о принадлежности к элите ВКЛ свидетельствует, в первую очередь, занимаемая светская и духовная должность.

Утверждение о должностном характере элиты («elita urzędnicza») ВКЛ аргументированно обосновывает польский исследователь К. Петкевич в своей фундаментальной монографии «Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku». Историк отмечает, что первое поколение её представителей состояло из литовских бояр – ближайшего окружения Витовта, выдвинувшихся из общей массы боярства благодаря городельской адопции 1413 г. [15, с. 81]. На протяжении XV в. из 35 лиц, занимавших высшие должности в ВКЛ – это потомки тех, кто был охвачен адопцией, их родственники или связанные с ними матримониальными связями люди [15, с. 83]. Именно данный круг лиц вместе со своим ближайшим окружением составлял аристократию ВКЛ.

Изучению политической элиты ВКЛ, её участию в деятельности политических структур посвящено исследование литовского историка Р. Петраускаса [16]. Объектом исследования выступает социальный слой, в руках которого было сосредоточено выполнение властных функций – его представители занимали важнейшие должности, составляли раду великого князя, владели именьями и постепенно становились крупнейшими землевладельцами [16, с. 52].

Автор разводит понятия «знать» и «элита»: «знать» шире, чем «правлящая элита», и включает не только лиц, занимающих те или иные должности, членов великокняжеской рады, но и тех, кто окружал великого князя и оказывал влияние на принимаемые им решения, а также их родственников [16, с. 57]. Вместе с тем, состав знати можно установить, только рассмотрев состав правящей элиты [16, с. 60].

Р. Петраускас использует термин «боярин», «боярство», пытаясь «вписать» данную категорию лиц в схему «знать – элита».

В состав знати включены те лица, которые были ближайшими советниками великого князя, выступали свидетелями в его документах, принимали участие в посольствах, занимали должности в центральном аппарате и на местном уровне [16, с. 58–59].

Белорусский историк В. Подолинский к политической элите ВКЛ относит лиц, которые занимали высшие государственные должности и/или имели высокий социальный статус, пользовались авторитетом (престижем) в обществе, в той или иной степени участвовали в принятии решений общегосударственного значения [17, с. 16]. Термин же «властная элита» имеет более узкое значение и включает только ту часть политической элиты, которая вместе с великим князем принимала реальное участие в определении государственной политики и непосредственно влияла на процесс принятия важнейших решений функционирования государства [17, с. 16].

К региональной политической элите следует отнести тех, кто имел реальную власть и авторитет в повете, принимал активное участие в общественно-политической жизни и оказывал влияние на принятие решений как на уровне отдельного повета, так и на общегосударственном уровне [18, с. 3].

Российский исследователь С. Полехов под элитой ВКЛ понимает общественную группу, «которая стабильно способна оказывать влияние на процесс принятия монархом решений общегосударственного значения (правлящая элита, или правящие круги) или его должностными лицами в регионах страны (региональные элиты...)» [19, с. 13]. Критериями принадлежности к правящей элите выступают упоминание в списках свидетелей документов великого князя, политическая активность, занятие должностей, принадлежность к той или иной семье или роду.

По мнению С. Полехова, состав правящей элиты княжества в общих чертах определился в XIV в. и включал в себя князей, родовитое литовское боярство, епископов католической церкви, а также лиц, окружавших монарха в повседневной жизни [19, 110–113]. Правящая элита принимала деятельное участие в принятии великим князем решений по ключевым вопросам жизни государства, и в этом заключалась её основная роль [19, с. 114].

Широкий круг вопросов, связанных с историей политической элиты ВКЛ, рассматривается в работах польского историка Л. Корчак.

Исследовательница солидарна с оценками коллег, что ключевым критерием принадлежности к политической элите является занимаемая должность, но считает, что присутствовал ещё целый ряд других, не менее значимых критериев, определявших принадлежность индивида к данной страте [20, с. 103–109]. Особое внимание Л. Корчак уделяет положению князей в системе власти ВКЛ, в том числе и причислению их к элитарной группе [20, с. 57–62].

Проблема элит Великого Княжества Литовского и Королевства Польского стала объектом научной рефлексии на конференции польских историков «*Spółeczeństwo staropolskie a elity*» (2015, Варшава) [21]. Так в частности, У. Аугустыняк сконцентрировала своё внимание на терминологических аспектах проблематики [21, с. 87–116]; выступление и статья Е. Дубас-Урванович было посвящено карьерным стратегиям шляхты Литвы и Польши [21, с. 29–36]; Л. Вронишевский рассмотрел участие элит в работе сеймов и сеймиков эпохи С. Батория [21, с. 37–86]; А. Рахуба обратился к биографии и карьере Павла Яна Сапеги (1610–1665) [21, с. 157–166].

Обращает на себя внимание тот факт, что в современной историографии истории шляхты ВКЛ термин «элита» применяется в расширенной интерпретации и часто охватывает все привилегированное сословие. В равной мере данный термин используется в отношении магнатории ВКЛ, а также представителей княжеских родов династии Рюриковичей и Гедиминовичей.

Белорусский историк П. Лойко в монографии, посвящённой шляхте белорусских земель в общественно-политической жизни Речи Посполитой во второй половине XVI – первой трети XVII в., фактически ставит знак равенства между шляхтой и политической элитой [22, с. 9]. «Палітычная эліта ВКЛ – шляхецкае саслоўе, на працягу XIV – першай паловы XVI ст. прайшло стадыю афармлення і стала палітычна вызначальнай сілай у краіне...» [22, с. 95].

Автор утверждает, что в своих основных чертах шляхетское сословие с едиными правами и обязанностями оформилось к середине XVI в. Однако оно не было однородным, особенно в экономическом плане. К «элите шляхты» П. Лойко относит магнатов-латифундистов, сконцентрировавших в своих руках ключевые должности в государстве, позволявшие им иметь право голоса в великокняжеской раде. Именно в руках данной группы лиц была, по мнению историка, сосредоточена политическая власть [22, с. 26].

Вторую группу составляла средняя шляхта, позиции которой в политических вопросах были достаточно крепки на поветовом уровне. Самой многочисленной группой была мелкая шляхта, которая в свою очередь также не будучи однородной, фактически не имела права голоса в представительных учреждениях [22, с. 26]. По подсчётам П. Лойко приблизительная численность политической элиты ВКЛ в рассматриваемый период составляла 1380 человек (в каждом из 23 поветов в среднем было по 60 политически активных шляхтичей), что составляло 3,5 % от общей численности «народа шляхетского» [22, с. 36, 37].

В исследовании белорусских историков Ю. Бохана и А. Скепьяна «Побыт феадалаў Вялікага княства Літоўскага ў XV – сярэдзіне XVII стагоддзя», посвящённом изучению бытовой культуры привилегированного сословия ВКЛ, в отношении последнего авторы используют целый ряд дефиниций: в заглавие книги вынесен термин «феодалы» (по утверждению исследователей именно в XV – первой половине XVII в. в ВКЛ происходит становление феодального общества) [23, с. 7], во введении – о шляхте ВКЛ [23, с. 14], в заключении, подводя итоги исследования – об элите ВКЛ [23, с. 251].

Монография украинского исследователя И. Мельничука «Становлення і розвиток української політичної еліти (IX – середина XIV ст.)» посвящена рассмотрению роли украинской политической элиты в общественно-политических и социально-экономических процессах в период средневековья (Киевская Русь и эпоха удельных княжеств) и нового времени [24]. В третьем разделе монографии «Трансформація української політичної еліти під час литовсько-польської експансії (30-ті роки XIV – перша половина XVII ст.)» ключевое внимание автор уделяет эволюции шляхетского сословия, становлению его прав, роли в социальной структуре общества, а также трансформации княжеской и боярской элиты на данном этапе.

Общая картина формирования элитарных слоёв украинского общества от Киевской Руси до Речи Посполитой, включая период Великого Княжества Литовского, представлена в монографии украинского историка О. Однороженко «Українська (руська) еліта доби Середньовіччя і раннього модерну: структура та влада» [25].

В монографии украинского исследователя Л. Войтовича «Княжа доба: портрети еліти» основное внимание концентрируется на освещении роли представителей княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей в

политической жизни, раскрывается сложная система родственных и династических связей в кругу элиты [26].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что понятие «элита» активно «освоенное» современной историографией истории шляхты ВКЛ, тем не менее, не снимает с повестки дня необходимость уточнения смыслового наполнения данного термина в конкретных исторических исследованиях, равно как и обобщающих работах по данной проблематике.

Библиографический список

1. Козловская Н. В. «Шляхта» – «магнаты» – «элита» Великого княжества Литовского: к концептуализации понятий в историографии // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2019. Т. 11, № 1. С. 30–40.
2. Уваров П. Ю. Социальная история французского дворянства на перекрёстке герменевтики и эмпиризма // Французский ежегодник. 2001. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 7–13.
3. Kutrzeba S. Elita jako czynnik w technice rządzenia państwem // Czasopismo Prawnicze i Ekonomiczne. 1935. T. 30. S. 25–36.
4. Wesolowski W. Klasy, warstwy i władza. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.
5. Sucheni-Grabowska, A. Badania nad elitą władzy w latach 1551–1562 // Społeczeństwo staropolskie. Studia i szkice. Warszawa: PWN, 1976. T. 1. S. 57–119.
6. Gąsiorowski, A. Rotacja elity władzy w średniowiecznej Polsce // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. Warszawa, 1981. T. 1. S. 264–290.
7. Fałkowski, W. Elita władzy w Polsce za panowania Kazimierza Jagiellończyka (1447–1492). Warszawa: Wydawnictwa Fundacji «Historia pro Futuro», 1992.
8. Wroniszewski J. Grupy decyzyjne w średniowiecznej Polsce – elita władzy // Genealogia. Polska elita polityczna w wiekach średnich na tle porównawczym. Toruń UMK, 1993. S. 175–186.
9. Zielińska T. Magnateria polska epoki saskiej: funkcje urzędów i królewszczyzn w procesie przeobrażeń warstwy społecznej. Wrocław: Ossolineum, 1977.
10. Litwin H. Magnateria polska 1454–1648. Kształtowanie się stanu // Przegląd Historyczny. 1983. № 3, Vol. LXXIV. S. 451–470.
11. Patron i dwór. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / E. Dubas-Urwanowicz (red.), J. Urwanowicz (red.). Warszawa: DiG, 2007.
12. Władza i prestiż: magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / pod red. J. Urwanowicza; przy współud. E. Dubas-Urwanowicz, P. Guzowskiego. Białystok: Wydaw. Uniwersytetu w Białymstoku, 2003.
13. Wobec Króla i Rzeczypospolitej. Magnateria w XVI–XVIII wieku / Red. E. Dubas-Urwanowicz, J. Urwanowicz. Kraków: Avalon, 2012.
14. Suchocki, J. Formowanie się i skład narodu politycznego w Wielkim księstwie Litewskim późnego średniowiecza // Zapiski historyczne. 1983. T. 48, Z. 1–2. S. 31–75.
15. Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1995.
16. Пятраўскас Р. Літоўская значь у канцы XIV–XV ст.: Склад – структура – улада. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. 386 с.

17. Падалінскі У. Прадстаўніцтва Вялікага княства Літоўскага на Люблінскай сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017.
18. Падалінскі У. Палітычная эліта Лідскага павета ў апошняй трэці XVI ст. // Беларускі Гістарычны Агляд. 2009. Т. 16, СШ. 1 (30). С. 3–30.
19. Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: «Индрик», 2015.
20. Korczak L. Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w epoce wczesnojagiellońskiej. Kraków, 2008.
21. Społeczeństwo staropolskie. Seria nowa. Społeczeństwo a elity. Warszawa: DiG, 2018. Т. 5.
22. Лойка П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Мінск: БДУ, 2002.
23. Бохан Ю. М., Скеп’ян А. А. Побит феадалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV – першай палове XVII ст. Мінск: Беларусь, 2011.
24. Мельничук І. А. Становлення і развіток украінскай палітычнай эліты (IX – сярэдзіна XVII ст.). Житомир: Вид-во «Рута», 2014.
25. Однороженко О. Українська (руська) еліта доби Середньовіччя і раннього модерну: структура та влада. Київ: Темпора, 2011.
26. Войтович Л. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006.